ИГОРЬ ЧИННОВ

ЛИНИИ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВ

РИФМА

1960

Линии

ИГОРЬ ЧИННОВ

ЛИНИИ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВ

РИФМА

1960

Где в синеющем инее
Эта сетка ветвей,
Словно тонкие линии
На ладони твоей.

Монолог, стр. 5

Палочка мерно взлетает:
Музыка, стройно звени!
Нотные знаки не знают,
Что означают они.

В линиях нотной страницы
Ты, и другие, и я.
Только — недолго продлится
Нежная нота твоя.

Линии, стр. 22

Мы были в России — на юге, в июле,
И раненый бился в горячем вагоне,
И в поле нашли мы две светлые пули —
Как жолуди, ты их несла на ладони —
На линии жизни, на линии счастья.

Линии, стр. 42

К луне стремится, обрываясь,
Фонтан — как в бурю кипарис,
Когда луна — почти живая.

Озера то иль острова,
Иль облака, иль птичья стая?
Фонтан, фантазия, каприз.

Сквозь лунное очарованье
Кровать плывет куда хочу —
По блеску крыш, как по ручью.

Полоски дыма там, вдали —
Как оснеженные тропинки,
И мы гулять по ним пошли —

И говорили без запинки
Ночными странными стихами,
И долго звуки не стихали,
Уже неслышные с земли.

Дали как будто во льду.
Ветер даже дубы оголяет.
Вслед за последним лучом
Медленно меркнут поля.

Веток не рвут на ходу
Те, кто осенью в роще гуляет.
Ветки висят под дождем,
Мертвой листвой шевеля.

Зыбь серебрится в пруду.
Помечтай, будто в водах бесцветных
Ветки деревьев иных
Сыплют невянущий цвет,

Будто в незримом саду
Расцветают нездешние ветки,
Вечно мерцает сквозь них
Нежный немеркнущий свет.

— Дымящие трубы,
На пристани уголь и щебень.
— Прозрачное небо
И птичий серебряный щебет.

— Дым черен и горек,
Безрадостен серенький берег.
— Луч нежен и ярок,
И бабочка села на вереск.

— Разломаны бурей
Две лодки на отмели серой.
— Лазурное море
Покойно и солнечен берег.

— Засохший кустарник,
И кладбища — взглядом не смерить.
— И светлый бессмертник,
Сияние жизни и смерти.

Что ж — думающие машины
Заменят нас — а мы пойдем
Смотреть на лилии долины
Под нежно-солнечным дождем.

Забыты темные заботы,
Природа ангельски чиста.
Как лепестки, две легких ноты
Упали с белого куста.

Синеют птицы, расцветая,
И кажется, цветы слышны.
И слился с пением и стаей
Глубокий отзвук тишины.

И так прозрачно-своевольно,
Так беззаботно, так шутя,
И просто, и совсем не больно...

(Я размечтался, как дитя).

Жил да был Иван Иваныч:
Иногда крестился на ночь,
Вдаль рассеянно глядел.
Жил на свете как умел.
Жил на свете как попало.
Много в жизни было дел.

Сердце слабое устало,
Сердце биться перестало.
В небе дождь вздыхал, шумел,
Будто мертвого жалел:
Влаги пролилось немало —

Видно, смерть сама рыдала,
Близко к сердцу принимала
Человеческий удел.

Вечный образ: счастье — ветер в поле,
Дым, растрепанный дождем.
Мы живем в заботе, страхе, боли;
«Человек для слез рожден».

На кого надеяться? На эти
Грозовые облака?
На глухое небо в смутном свете?
На лучи издалека?

На мерцанье над ночной дорогой,
По которой мы во мгле пройдем?
И в ответ — молчанье, да немного
Погрохочет гром.

**А может быть, все же — спасибо за это:
За нежность туманно-жемчужного света,
За свежесть дождем всколыхнутого сада,
За первые знаки — уже — листопада.**

**Спасибо, что облако меркнет и тает
Над этой в закат улетающей стаей,
И розовый свет приближается к морю...
Ну, что же, спасибо. Да разве я спорю...**

«Если завтра война»... Накануне войны,
Накануне беды и тоски
Поглядим на сиянье волны
И на трепет звезды.

Поглядим, как ярки
Отцветающие цветники
И как нежно летят светляки,
Будто искры, упавшие с легкой звезды.

Поглядим, как роса,
Перед тем, как исчезнуть, светла,
Как блестящая капля спадает с весла,
Будто гаснет звезда.

Поглядим, если завтра война,
Как сегодня погода прозрачно ясна,
Поглядим — в этом мире беды и тоски —
На сияющие пустяки.

О мировом безобразии
Лучше совсем умолчим.
Скажем про нежную празелень
Ночи, сходящей на Рим,

Про голубое мерцание
Осеребренных олив
(Ночь, тишина мироздания,
Будто далекий прилив).

Ночь, голубая пришелица,
Скажем и мы про нее
(Полное лунного шелеста,
Дремлет легко бытие)

И, не боясь повторения
И не ища новизны,
Скажем про синее пение
Вновь наступившей весны.

Он мерзнет в воротах парка,
Просит на рюмку
И греет облачком пара
Худую руку.

От снега намокли ветки.
Ветер — сильнее:
Краснее мокрые веки,
А рот синее.

О, нет — без надрыва, просто:
Слезы — от ветра...
Никто не слышит вопроса,
И нет ответа.

Ты опять возмущался?
Ты опять восхищался?
Погляди холоднее
На людей и аллеи.

На торговца-уродца,
На цвета винограда,
На канаву, где льется
Солнце, грязь и прохлада.

Понемногу истрачен
День приятно ненужный,
И как будто прозрачен
Вечер тускло жемчужный.

Это вспомнится позже?
Запад чуть серебрится.
...С этим отблеском тоже
Мне придется проститься.

Да, траурная колесница
Иль в этом роде. Вот, опять
Кольнуло в сердце. Помолиться,
Приободриться, помечтать

О том, что там (ты веришь?) будет
Эдем, блаженство, торжество...
Скажи, там ничего не будет?
Совсем не будет ничего?

Ни работы,
Ни заботы —
Ни тоски, ни суеты:
Только лилии долины,
Только горные вершины,
Только птицы и цветы.

Хорошо бы стать закатом,
Летним небом розоватым —
Вот о чем мои мечты:

Знаю, каждый бы охотно
Жил прозрачно-беззаботно,
Жил сияюще-легко,
Так заоблачно-свободно,
Так небесно-широко.

Палочка мерно взлетает:
Музыка, стройно звени!
Нотные знаки не знают,
Что́ означают они.

В линиях нотной страницы
Ты, и другие, и я.
Только — недолго продлится
Нежная нота твоя.

В срок прозвучала в концерте,
И обрывается нить.
Замысла жизни и смерти
Нам не дано изменить.

. . . Или бессмысленно в мире
Все — и впустую трезвон? . .
Так в опустелой квартире
Ночью звонит телефон.

**Голод в Индии, голод в Китае,
То, что в нашей России.
Я спокойно газету читаю,
Я смеюсь без усилий.**

**Чем-то страшным, тюремно-больничным
Пахнет, друг, мирозданье.
Что же делать, раз так безразличны
Богу наши страданья.**

**. . . Или небо вечернее, цвета
Бирюзы, сквозь березы —
Это все же обрывок ответа
На молитвы и слезы?**

Терновник веткой суховатою
Под знойным ветром чуть качает.
Мне тень колюче-узловатая
Другую тень напоминает.

Мне чудятся снега в сиянии
Полярной ночи, в лунном свете.
Как будто слышно дребезжание
Колючей проволоки... Ветер...

Ночь навсегда, ночь не кончается,
И тень от проволоки длинной
Колючей веткою качается
Под ветром на земле пустынной.

**О Воркуте, о Венгрии (— о чем?)
О Да́хау и Хиросиме. . .
Да, надо бы — как огненным мечом,
Стихами грозными, большими.**

**Ты думаешь о рифмах — пустяках —
Ты душу изливаешь — вкратце,
Но на двадцатый век тебе в стихах
Не удается отозваться.**

**И если отзовешься — лишний труд:
Не будет отзвука на отзвук.
Стихи, стихи — их даже не прочтут.
Так пар уходит в зимний воздух.**

**И все-таки — хотя десятком строк,
Словами нужными, живыми. . .
Ты помнишь, есть у Пушкина «Пророк»:
О шестикрылом серафиме.**

Был веселый, живой соловей,
А теперь — заводного мертвей.
Впрочем, нет, чуть живей: от червей.

Он лежит и гниет, как навоз,
Под кустом отцветающих роз,
И роса на кусте — вроде слез.

Слезы скоро просушит мороз.

В том, что вечного нет ничего,
Тоже нового нет ничего.

Каждый сгниет (и гниеньем очистится)...
Тем и закончится злая бессмыслица —

Хлопоты, горести, почести, прибыли,
Крик перед смертью, что денежки стибрили.

Вот вам гармония, вот Провидение:
«Смерть несомненна» (чего несомненнее).

Странно, что все же могу утешаться я,
Глядя, как вновь зацветает акация,

Глядя, как бабочка треплется, мечется —
Тоже, пожалуй, сестра человечества.

**Так отвратительно-неотвратимо:
Иссохнет, исхудает, истончится
Твое лицо (и кто придет проститься?) —**

**И маленькою, бедною струею
Растает в небе дым неудержимый,
Далекий дым, который был тобою.**

**Пускай дорога пролегает небом,
Как зимним садом или полем вьюжным,
И мертвый сон кружится легким снегом.**

**Пускай бы там тебе порой казалось,
Что память о стихах твоих — осталась,
Что ты кому-то стал своим и нужным,
Что ты кому-то стал вином и хлебом.**

**Пускай живет игра воображенья —
Сквозь темноту, сквозь вечное забвенье.**

Ни добрых дел, ни твердой веры нет:
Не занят я, душа, твоим спасеньем.
Чем заслужу его? Стихами? Нет:
Стихи не жгли сердца́, лишь были мне
Полузабавой и — полумученьем.

Что будет? — Смерть (в тоске, во зле, в грехах)
И в Судный день, меж пеньем и стенаньем —
Рифмованные строки на весах:
Полуупреком, полуоправданьем.
Игра вничью меж мраком и сияньем.

**Станет вновь светло, станет вновь темно.
Мне почти, почти все равно.**

**Каждый день закат, каждый день рассвет.
Только счастья нет и нет.**

**Но совсем перед смертью, может быть,
Станет жалко навек забыть,**

**Как светил прозрачный луч в окно,
Озаряя хлеб и вино,**

**Как темнело, как нежно лампа зажглась,
И дрова розовели, светясь.**

Полугрусть предосеннего шелеста,
Но в закате над серым Ассизи
Озаренное облако светится
Обещаньем заоблачной жизни —

И становится в мире печальнее,
Хоть лучи не совсем догорели,
И под ветром плывет обещание
В холодеющие эмпиреи.

Что-то вроде России,
Что-то вроде печали...
(Мы о большем просили,
А потом перестали).

Чем-то нежным и русским
Пахнет поле гречихи.
Утешением грустным
День становится тихий.

Пахнет чуть кисловато
Бузина у колодца...
Это было когда-то
И едва ли вернется.

То, что было утешением,
Перестало утешать.
Но порою, тем не менее,
Развлекаюсь я опять.

Развлекаюсь грубым холодом,
Жестким ветром, мутным днем,
Развлекаюсь скучным городом —
И проходит день за днем.

Не в России, так в Германии.
Вот гуляю вдоль реки,
Развлекаюсь сочетанием
Равнодушья и тоски.

**Ивы, ясени, клены, осины,
То журчащий, то шепчущий сад.
Золотые летят паутины
Так бесплотно, как звуки летят.**

**И прощально в листве
Золотится
Луч, как солнцем пронизанный ствол,
И за лодкой плывет вереница
Золотых лепестков — и прошел
Нежитейский, сияющий трепет,
Золотисто-тускнеющий лепет
По блаженно-осенней листве.**

**Помнишь о ветре,
Бившем деревья?
В старости сердце
Помнит сравненья**

**С вечером тусклым,
С инеем в рощах,
С шорохом грустным
Веток отсохших.**

**Скучно повисли
Мертвые ветви.
Мука при жизни,
Скука по смерти.**

**Так что, наверно,
Даже нестрашным
Было б горенье
В пламени красном.**

Легко на эту нежную руку
Сели снежинки.
Быть может, эти снежинки — души
Пчел нерожденных.

Я помню, как ты однажды в церкви
Свечу держала,
Под острым листком огня сочились
Капельки воска.

Я знаю, мед янтарем не станет,
Он ненадолго.
Я знаю, эти стихи растают,
Будто снежинки.

Колоколом утомительным,
Маятником изнурительным,
Музыкою обреченности
Кажется тоска бессонницы.

Сад забормотал осенние
Призрачные утешения.
Смешивается молчание
С музыкой воспоминания,

С признаками вдохновения,
С призраками в отдалении,
С прошлым полувоскресающим,
С небом полурассветающим...

Знаешь, я почти забыл
Тот неясный зимний вечер,
Начало ночи, неслышный ветер,
Мокрый мостик без перил.

Я уже почти забыл
Тонкий профиль нежно-светлый,
Комочек снега, упавший с ветки,
Снег, что вдалеке светил.

То, что я сказать забыл,
Поцелуй слегка соленый
(Деревья пахли сырой соломой)
...Я почти, почти забыл.

Сияли лампы, был прозрачный свет,
Лишь в окнах пустота чернела.
И свет погас — и ничего уж нет,
Лишь воздух черный — без предела.

Но я гляжу на темный мир ночной,
И кажется — светлее стало,
И дерево, угаданное мной,
Вдруг сдержанно затрепетало.

И я увидел в небе дымный след,
Кончающийся невысоко,
И смутный очерк туч, и звездный свет,
Туманный, голубой, далекий.

Я все еще помню Балтийское море,
Последние дни перед вечной потерей.
И кружатся звуки, прозрачная стая,
Прощаясь, печалясь, печально играя.

Мы берегом светлым вдвоем проходили,
Вода на песке становилась сияньем
И ясные волны к ногам подбегали,
Прощаясь прохладным, прозрачным касаньем.

О, если б тогда, посияв на прощанье,
Летейскими стали балтийские волны!
О, если бы стал неподвижно-безмолвный
Закат над заливом завесой забвенья.

А впрочем, я реже, смутней вспоминаю.
Журчанье беспамятства громче и слаще.
И звуки теней над померкшей водою
Лишь шопот. Лишь шелест.
Лишь шорох шуршащий.

Может быть,только в этой
Жизни — бывает лето,
Только на этом свете
Этот приморский ветер,

Только на эту землю
Дерево сыплет семя,
От синеватой птицы
Нежная тень ложится.

Да, но зачем порою
Этого все же мало?
Небо опять другое
Над городским каналом.

Он отражает ветви,
Тучу и даже ветер,
Да, но чего-то все же
Он отразить не может.

**Мы были в России — на юге, в июле,
И раненый бился в горячем вагоне,
И в поле нашли мы две светлые пули —
Как жолуди, ты их несла на ладони —
На линии жизни, на линии счастья.**

**На камне две ящерицы промелькнули,
Какой-то убитый лежал, будто спящий.**

**Военное время, горячее поле,
Россия. . . Я все позабыл — так спокойней,
Здесь сад — и глубокое озеро подле.**

**Но если случайно, сквозь тень и прохладу,
Два жолудя мальчик несет на ладони,
Опять — южнорусский июль на исходе,
И, будто по озеру или по саду,
Тревожная зыбь по забвенью проходит.**

Вновь перисто небо — да, белоснежность —
Как облачное крыло.
«В том царстве царствовала Беспечность,
И было всегда светло».

Да, если бы — вечным, светлым пеньем, —
(Пошли нам легкий удел!)
Но остров Цитера засыпан пеплом,
Воздушный замок сгорел.

Воздушный замок прахом развеян
(Летает сера, зола)
И все слабее среди развалин
Свет облачного крыла.

Хмуро и виновато
Туча глядит на слякоть
(Солнце ушло куда-то,
Чтоб не мешать ей плакать).

Плачет, глядясь в болото,
Смесью дождя и снега.
Все-таки, значит, кто-то
Смотрит на землю с неба:

Все-таки, значит, кто-то
(Хмуро и виновато) —
Будто людей жалея,
Будто помочь желая...

Угрюмая тень
Становится отблеском света.
Меж тенью и отблеском
Сходство почувствовал ты?

В тяжелых дровах
Таилось легчайшее пламя.
Быть может, и правда,
Что в теле таится душа.

Быть может, и жизнь
Прозрачным бессмертием станет,
И уголь — алмазом,
И сгусток смолы — янтарем.

...И тени людей,
Как тени предметов, мечтают
Стать отблеском светлым —
Сияющей тенью огня.

Смутный сумрак спальни жаркой.
Каркнул ворон в темном парке.
Сердце в тишине стучит,
Словно прялка старой Парки.
Парка быстро нить сучит.

Знаю, пряжа на исходе.
Скучно при такой погоде
Слушать торопливый стук.
Дождь идет, темно вокруг.

И грызут проворно мыши
Жизнь, дарованную свыше,
И недолго ждать

Дня, когда не станет скуки
И навек затихнут звуки,
Что мешали спать.

И наше в ручье отражение,
И пальцы в цветочной пыльце,
Почти золотистые тени
На грустно-счастливом лице...

Осенне прозрачно... Как часто я
Вдруг чувствовал (с болью — и пусть),
Что самое светлое счастье
Похоже на светлую грусть.

Да, это, пожалуй, предчувствие
Бессмертия — счастья вполне,
Нездешней, несбыточной грусти,
В которую верится мне.

Знакомое зло, привычное зло
(А все-таки нет войны).
Осеннее призрачное тепло
Милее тепла весны.

Предзимнее солнце, приморский шум
(А Ницца тиха, светла)
И волны шуршат: шурум-бурум,
Все пена, песок, зола.

Догорает, да, но кажется нам,
Закат — начало пути.
Уходит свет, скользя по волнам.
Помедлить или уйти?

Острый угол подушки —
Как больное крыло.
Ты — как птица в ловушке,
Как на суше весло.

Небо в пене, как море,
Дым, как волны, бурлит.
Крест на лунном соборе —
Словно чайка летит.

Ты уже не в постели,
Ты в широком окне:
Легкость лунная в теле,
Тень крыла на волне.

Ты летишь над аллеей,
Прямо в лунный прибой,
Все смутнее белея
В глубине голубой.

Тысячу лет тому назад
Тоже был Рим в тускнеющем свете,
Тоже был дождь, закат, листопад.

Все-таки есть новинки на свете:
Дождь пролетел, тускнея тоскливо —
Сколько принес он атомной гари?
Дымный закат — как зарево взрыва
(Взрыва в Сибири? Взрыва в Сахаре?)

Всходит луна, совсем по старинке.
Там, на луне, есть Море Покоя.
Там, на луне, есть тоже новинки.
Скажи, и ты хотел бы покоя?

Скажи, что случилось с миром?
Как будто рисует дождь
Неясным, нежным пунктиром
На старом — новый чертеж.

Ты скажешь: все, как всегда.
Все те же дома напротив
И так же течет вода.

— Не все, как всегда. Напротив:
Сквозь буквы торговых фирм,
Сквозь дождь, сквозь дома Парижа,
Сквозь весь непрозрачный мир —
Другой рисунок я вижу.
Другие линии в нем,
И краски тоже другие.
Но проблески неземные
Так трудно видеть в земном.

**В снежный вечер Млечный Путь походит
На дорогу нежную в раю.
Ты забыла все, что происходит
В вышине, во сне, в раю?**

**Погляди: прозрачна мостовая,
Мы идем, в эфире, в легкий путь.
Светится луна, не затмевая
Нежный, бледный Млечный Путь.**

**Вот лунатик в синеве проходит,
Встал на тучу, дремлет на краю.
Он пришелец, но слегка походит
На живущих в том краю.**

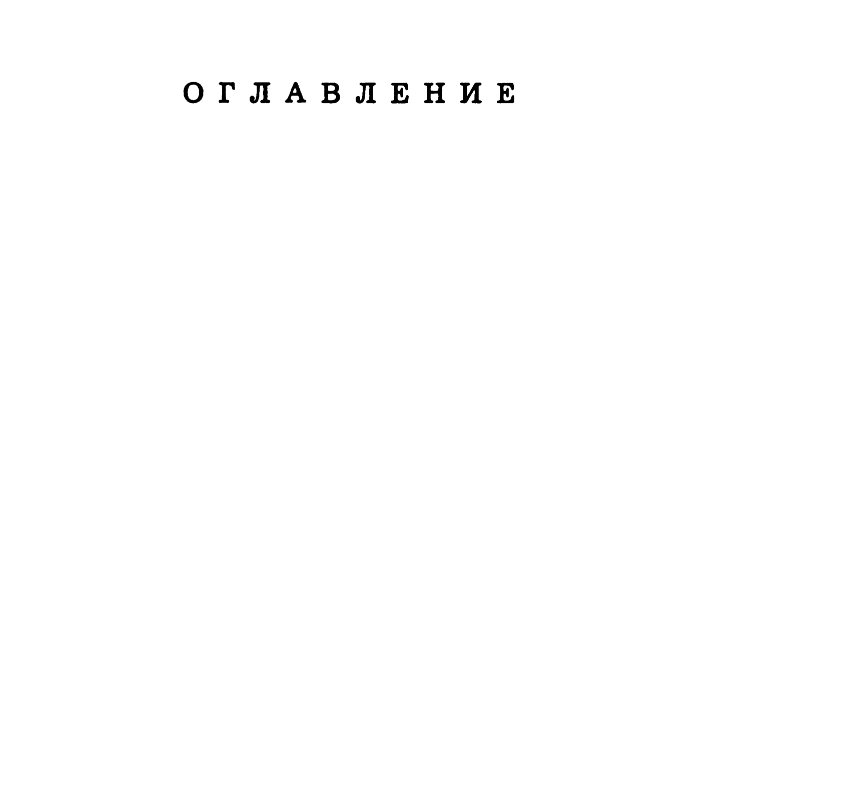
**Под ногами улица ночная,
Снежный свет, полузнакомый путь.
Чуть предчувствуя, чуть вспоминая,
Ты глядишь на Млечный Путь.**

«Мое святое ремесло».
Каролина Павлова

Пожалуй, и не надо одобрения,
И ободрения не надо.
Ни обещания, ни исполнения
Желаний, обещаний. Надо
Стараться обойтись без утешения.

Пора не жаловаться, не надеяться
(Судьба шутила, обещая. . .)
Пора стихам, как дыму, дать развеяться
(Перелистают не читая).
Пора понять, что не на что надеяться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Того же автора:

МОНОЛОГ, стихи, издательство Р и ф м а, Париж, 1950 г.

Эта книга напечатана
основанным Ириною Яссен-Чеквер
издательством РИФМА (Париж)
шестого декабря 1960 года в Мюнхене
в типографии Г. Бутова, Кольштрассе 3 б.

Тираж книги 350 экземпляров.

Экземпляр №

Р И Ф М А

ИЗД-ВО ИМ. ИРИНЫ ЯССЕН

П А Р И Ж